

**МБУК «Централизованная библиотечная
система городского округа город Выкса»**

Городская библиотека «Отчий край»

Чернышов Э.П.

Мы играем во дворе...

Выкса, 2019

ББК К91.9:63

Ч-49

Чернышов Э.П.

Мы играем во дворе... : справочно-библиографическое пособие / Городская библиотека «Отчий край»; автор текста Э.П. Чернышов; составитель Л.Д. Щенникова; ответственный за выпуск О.Н. Громова. – Выкса, 2019. - 24 с.

В брошюре автор вспоминает своё детство, игры, в которые играли дети с их двора – это и «городки», и «чижик», и «салочки» и многие другие. Читаешь и вспоминаешь своё детство, свои игры поколения 60-70-х годов. Сравнивая современное поколение детей с собой, думаешь – мы жили интереснее, веселее. Но ведь жизнь меняется, всё движется вперёд и уже наши внуки также играют и в «крестики-нолики», и в «догонялки», но главное – они также занимаются спортом, ходят во всевозможные кружки, развиваются.

Издание предназначено широкому кругу читателей.

«Игра – это огромное светлое нежное, через которое в духовный мир ребёнка вливается живительный поток представлений и понятий об окружающем мире. Игра – это искра, зажигающая огонёк пытливости и любознательности».

В.А. Сухомлинский

Игра. Как много смыслов, толкований в этом слове – «игра» - и в однокоренных ответвлениях его: и уничижительные, и возвеличивающие, и глубокомыслимые (см. «теория игр»); изучают социологи, психологи, ... А дети? Чуть-чуть подросли и начинают играть; играть в том первоначальном значении, когда не ждут наград, похвал и почестей. Если же ребёнок не играет – то это болезнь (патология); надо срочно идти к врачам.

Человек – существо общественное. На биологическом уровне заложены общность, взаимопомощь... Детские игры – это и есть то приобщение ребёнка к обществу, взрослой жизни. Игры у девочек – в дом, в куклы; у мальчиков – всякие ситуации войны (прятки, догонялки, снежки, городки, сражения).

Я окупусь в сороковые, пятидесятые годы прошедшего века, в годы юношества, отрочества.

Много игр из прошлых веков от дедов, от родителей; много таких, про которые мамы, папы говорили: «У нас таких не было»; обязательно появлялись развлечения, которые пришли со школьных уроков физкультуры, со стадионов и из кино. Например, за забором нашего двора в Посадке у нас были «ямы» для прыжков в длину и в высоту: две сосны и верёвочка, которую заменяли иногда длинной палкой; турник – труба, прибитая к соснам (сейчас эта труба намертво выросла в стволы); после «Тарзана» (трофейный кинофильм) притащили с Балахны (ЛЭП «Балахна» - «Выкса») шесты. Планку ставили выше головы и прыгали так, чтобы шестом не сбить планку. Кто запустит дальше дротик-копье или попадёт в цель: вот черта (не заступай), вон цель (дерево или круг на земле)...

Сейчас за окном лето, вот я и продолжу про летние наши забавы.

Закончились большие весенние поручения по огородам, школа (экзамены начинались с 5-го класса). Двор в нашем доме (стахановский, 4-х этажный с магазином, ул. Красные Зори, сейчас №22; заселённый в 1936 году работниками ВМЗ) большой, «есть разгуляться где на воле». Как и положено по тем временам, двор огорожен тесовым забором; сарай: дровяник и погреб на каждую квартиру, под железной двухскатной крышей; глубокий подвал, в северной половине – котельная, на дровах (водяное центральное отопление дома), в южной части – 14-ть кладовых. В войну по периметру двора появились огороды,

стихийные, не мерянные; с северной стороны двора был отдельный высокий сарай магазина (изначально магазин был продовольственным) для всякой тары; там же появились сараи-самоделки для скота. У Карзовых, после рождения Иринки, появилась даже корова, которую летом на несколько часов выпускали в Посадку. У нас была коза с козлятами (а нас уже до войны было 4 брата: 1932, 1934, 1936, 1938 (умер), 1940), у кого-то были поросята; у многих – куры. Было неписанное правило: подвалы, коридоры, сараи, огороды – не место для игр; хотя спонтанно однажды появились догонялки в сараях (много сараев с тыльной, восточной стороны запирались на щепкусучок). Это сплошное лазание по вертикальным перегородкам и, используя дверь, с убеганием на крышу. Ступивший на землю, становится вадой. Родители быстро запретили – хозяева сараев стали жаловаться: «развалили поленницу дров», «распугали кур»... Один раз (!) в злосчастный вечер августа (после отмены карточек) кто-то, играя в прятки, спрятался в свой огород и стал кидать помидорами в ваду. Эта дурость, как ядовитая газовая атака, накрыла всех игроков, и следующий вада был вынужден не искать нас, а прятаться от нас, от града помидор. На третьем ваде, не доиграв, мы разбежались трусливо по квартирам. Утром нас разбудило не солнце, брызнувшее лучи в спальные комнаты дома, а небывалый рёв-ор-плач. Высунувшись в окно, мы всё поняли: кон был усеян мятыми зелёными помидорами; орал, принимая ремня, Вовка. Мамы всех игроков, не

сговариваясь, выгнали нас убирать двор. Живность по сараям пировала. В этот год мы больше не играли во дворе ни в прятки, ни в догонялки... А послушными!...Скажет мама, что сделать, то без всяких-яких «мам, потом» - ноги в руки и бегом... Не знаю, как у других, а мы, трое старших, в ту осень разговлялись помидорами только в гостях у родных тётушек.

Около дома летом в догонялки играли только после Ильина дня, когда кончали ходить на пруд (Верхний Выксунский). Июнь, июль – футбол, купание, лес (за ягодами, попутно принести можжевельника маме для кадушек, щавеля, разных веников козе). В лес, понятно, с утра: или поездом до Туртапки, а оттуда пешедралом до дома. Или ходили на Балахну. В своей Посадке за ягодами ходили только в звании «малышня». Маслят (а в нашей Посадке попадались в ту пору и беленькие, и чалышики, и сыроежки) мама попросит к обеду: «Что-то грибков захотелось. Сбегайте по своим местам. Шпиончиков-то (так называли шампиньоны), этих поганок, не берите или Карзовым их отдайте».

На рабочий поезд ходили через нашу поляну (теперь там ДК им. Ленина), мимо фабрики-кухни, сидящего Ленина на Урицкого (была такая ж/д станция за заводом ДРО). Не помню, чтобы мы покупали какие-то билеты. И рабочие ездили без билетов. Некоторые компании имели даже «насиженные» места: «новеньких» пассажиров бесцеремонно прогоняли с занятого места и сразу начинали играть в

«козла» или «подкидного». Наши места – тамбур и подножки. Лучше всего – на подножке: обдувает ветерок, то дымок от паровоза, земля мчится с кустарниками и деревьями, и на поворотах мелькают рычаги всякие с колёсами, машинист немного виден...

На Балахну шли через Щитки. Это наш дружеский посёлок. Много мальчишек знаем не только по школе. Пересекаем Пушкина, ручеёк через мосток; вот и ельничек по краям затянувшихся ям-дудок; земляника – это мимоходом полакомиться; Юрка, мой старший брат, ведёт на место. Иногда удаётся «прицепиться» к тётенькам; если они с вёдрами, или с кузовком-лукошком, то это точно на хорошее место идут, значит, мы свои бидончики быстро наберём. А Юрка тихонечко приговаривает: «Запоминайте, примечайте дорожку-то». Он у нас во всех походах Сусаниным. Если мы не «на прицепе», то или дротики начинаем метать, или в войнушку шишками, как снежками, а то и с самопалами да поджигными. Один раз я был с Юркой в пионерском лагере на Курихе. За отрядовскими бараками был молодой березняк. Старшеотрядовцы устроили догонялки, прыгая с берёзы на берёзу, подтягивая другую за вешку, или раскачивали свою посильнее. И прыгают, убегая от вады с дерева на дерево. Вот такие догонялки иногда мы стали делать и на Балахне. Слетел на землю? Значит, теперь ты вада. И не было ни разу даже средних травм. Такую догонялку точно углядели в «Тарзане» (кино). Подражали и крику Тарзана, и выходкам Читы-обезьяны.

Были догонялки и на пруду. Погоняли мяч (футбол) в междусобойчике (это когда нас не больше десяти). Жарко. Потные, грязные, с разными «морковками» (междусобойчик был всегда на полянке в Посадке. Там и пеньки, и корни, а мы босиком. Так что редкая игра обходилась без того, чтобы не ушибить пальцы ног: если до крови - то это «красная морковка». Находишь тысячелистник, пожевал листочки и этим пластырем поддержишь немного ранку. Кровь перестала сочиться ... и опять вперёд. Если ушиб без крови, то это «белая морковка». Тогда совсем просто: начал прыгать от боли, а тебе капитан орёт: «Ты чего! Барчук что ли?». Конечно, нет. А помчался, то и боль прячется. Остановился? Она пищит: «Я зде-е-е-сь». Так что лучше играть, чем охать.

Вот такие разгорячённые к мамам. Отпросились купаться на Верхний. Ура! От Стахановского до Водной станции далеко. На Верхнем пруду было три станции: ВМЗ – главная – около Баташевского дома. Там коробочка с тумбочками, лодочная станция, вышка с тремя площадками – 3,5 и 10 метров, - раздевалки – выжималки, трибуны (пять или семь рядов); на стороне Большой церкви – станция ДРО, она явно победнее; на Крюку, на плотинной стороне, после вешняков (водосброс; затвор с верхним переливом) – станция ЛТУ. Эту станцию сделали, когда ЛТУ отделилось от ВМЗ в самостоятельное предприятие.

Наш маршрут: со двора через калитку в Посадку на натопанную базарную дорогу, через базар

к парку и, по настроению, через парашютную вышку или наискосок сразу к пруду. С южной стороны парка шла узкоколейка в Монастырь к литейке. Иногда местом купания выбирали Порхачёвку. Мы редко пешедралом-то двигались, чаще Юрка командовал: «Побежали». Темп? Сейчас это называется оздоровительным бегом пожилых: трюх-трюх-трюх. Но в парке объявлялось: «Кто последний, тот и водит. Малышня не в счёт». Первый на входе и определяет ваду. «Считаю до десяти» - это уж возглас водящего. Успей удрать в коробочку. На Водной станции и бегаешь по мостикам, ныряешь, подныриваешь под мостики, убегаешь на вышку и вплавь. На Порхачёвке – только вплавь да нырянием с резкими поворотами. По берегу можно только короткие перебежки делать.

Во всяких наших догонялках малышню не заваживали. Обязательно кто-то из старших или в открытую принимал салочку-шлепок или как-будто бы зазевался. Один раз только было... В гости к кому-то пришёл с мамой парень. Он с Красных Зорь, что около Межонского пруда. Вышел к нам во двор. Мы, как всегда, с подковырочками, прозвищами, прибаутками играли в догонялочки вместе с малышнёй, а, значит, и с поддавалочками. Он вдруг встрял в нашу игру: «Вы неправильно играете». «Че-го-о?». «По-честному надо, не поддаваться». «Хочешь играть с нами?». «Хочу». «Ну, вади. Раз-два-три. Марш!». И понеслась игра по-настоящему. Он пробовал осалить и рывками неожиданными, и на измор, выбрав одну цель, да всё впустую. (Да, малышей мы посадили болельщиками, а

Алка с Алэськой с нами). Он и девчонок выбирал. А это уж совсем зря. Редко кто из нас мог за ними угнаться. Это ж наши будущие спортсменки-бегуньи. В общем, набегался до высунутого языка. «Я больше не буду». «Ты отвадись сначала, неотвожа, красна рожа». «Не буду», - с поднытием протянул. Тогда мы ему хором обидную дразнилку всю выдали:

«Неотвожа, красна рожа,
На татарина похожа,
На кривую кочергу,
Кочерга – на кочедык *,
Рванный лапоть в жопу тык».

И, как полагается, два наших верховода ему ввалили по заднице по пендалю*.

Больше, появляясь в нашем доме, он к нам во двор не выходил. Мы драчунами-задирами не были. Частенько в наши игры вливались мальчишки и с Булатни, и с 11-й Годовщины, и Щитковские, и тутошние, и Краснозорские, с песков... (товарищи по школе, чьи-то родные...).

Из пионерского лагеря пришла к нам игра «Красные» - «Синие». Это только в Посадке.

*Кочедык – инструмент для плетения лаптей.

*Английское слово «пенальти» - наказание в футболе. Мы это слово произносили чуть иначе : пендаль. Если без футбола, то в значении: «ударить ногой по заднице», «дать пендаля», «дать поджопника».

И опять это беготня с разными уловками. Одно плохо: надо иметь эти нашивки – красные и синие, значит, надо ещё и рубашки (в майках и уж без них – совсем не получается), да и отрываются нашивки чаще всего с разрывом рукава (хорошо пришивали, сами). Мама никогда не ругала нас за грязную одёжку после игры и за порванную в игре, а в этой игре рванина, получается, обязательно. «Да я на вас ни ниток, ни заплаток не напасусь». В общем, не прижилась игра из-за рваных рукавов. Нас было пять братьев, и у всех были обязанности по дому: мыть пол, гладить бельё (кроме маминых платьев и рубашек, а клёши Юрка так утюжил, что папа даже свои брюки ему доверял), принести дрова, наготовить шишек сосновых для самовара, иглиц для плиты (летом): огня много, но нет того жара, как от дров. Юрка и на «Зингере» (мама разрешала ему) чего-то для себя мог сострочить. Пришить пуговицу? Да не вопрос. Пришивали так, что оторвать можно было только «с мясом» (пуговица ценнее заплатки).

Оторванная нашивка – ты выбываешь из игры, по-нашему – «убитый», но: «Русские не сдаются!». Поэтому мы и пришивали нашивки сами и надёжно, не «убьёшь» сразу и легко.

Летом были у нас и городки. В Посадке конечно: никому стуком не мешаем, ни в одну курицу не влепишь битой. Биты и рюхи-городки самодельные; рюхи общие, а биты свои, под свою руку. По нашим правилам у «города» не было «пригорода»; городок, который выкатился вперёд – выбитый городок; бита

могла скользить, задевать землю до города; размер «города» меньше, чем в спортивных играх. Наверное, и кон, и полукон были другими по расстоянию от города-дома. Мы рюху, чушку называли городком, а квадратную площадку – домом. Название фигур в основном военно-техническое. Нам они нравились: пушка, артиллерия, часовой, самолёт, пулемётное гнездо,..., письмо (война и письма – связь фронта с тылом). У китайского поэта Ли Бо (8-й век) есть строчки из цикла «О тех, кто далеко»:

«На луском шелку,
Знаменитом своей белизной,

Письмо написала я воину
Тушью цветной, - (...)

И воин получит письмо
И сломает печать,

И слёзы польются –
Он их не сумеет сдержать. (...)

Он вспомнит: меж нами
Не сотни, а тысячи ли». (...)

Свежи были в памяти треугольники-письма. Завершением игры было два письма: простое (городки ставились на попа) и заказное (городки лежат, но ещё: после «слома марки» углы надо было выбивать по

заказу соперника. «Письмо-то заказное, военное». Не признавали «Бабушку в окошке» и «Бабушку в колодце».

А ещё интереснее – это в «попа-угонялу». На десять шагов от нас ставится городок - «поп». У всех по одной бите. Очередность броска биты в «попа» определялась предварительно броском биты через себя. Самая близкая бита к кону нашему – тот и вадит; остальные будут бить по городку с кона в очередности улетевшей биты. Вада теперь только ставит «попа» там, куда городок отлетел. При промахе в «попа» вада хватает его и бежит на кон; все игроки бегут за своими битами, а кто ещё не бросал, тот бежит до места, где стоял городок и назад, а кон-то там, где мы начинали игру. Иногда угоняли «попа» мимо кладбища (к/т «Родина», площадь Октябрьской революции) до современного перекрёстка «Сосна»; сейчас это улица Н. Островского, а тогда редкий грузовик проедет по грунтовке, а по пешеходной тропе мы не гоняли «попа». В этой игре сочетались умения точно попадать битой в городок, который при каждом броске стоит на другом расстоянии от бросающего, соразмерять силу броска, чтобы не загнать «попа» сразу далеко, и опять бег, бег на разные дистанции с рывком перед коном. Прибежавший последним, становился вадой – это мало интересного ставить сбитый городок да иногда увёртываться от «кривой» биты.

Чижик. Деревянный брусочек длиной 10-12 см с заострёнными концами (как подточенный с двух сторон карандаш); толщина около 2 см; на гранях

I,II,III,IV. У каждого своя лапта-бита. Все снаряды – самоделки: городошные биты, городки, биты для чижики, биты для беговой и круговой лапты, шесты, ходули, сабли-шпаги, клюшки для хоккея (русского конечно), да и мячик для этого каучуковый. Где взять заготовки? Лес, тара из-под товаров из магазина, ежегодно привозимые дрова-метровки, а каучук – свалка. (Так мы звали шихтарник около ж/д станции им. Урицкого и около копра за Межонкой; туда привозили и разбитые-подбитые-горелые танки, лафеты от искорёженных пушек с колёсами... Если туда сходить с огрызком пилки по металлу, с молотком и зубилом, то там можно было найти такие железячки, трубки, стёкла! А ещё в нашем доме много мартеновцев и прокатчиков: если хорошо попросить, то принесут и старые подшипники для самокатов, а дальше – вон ножовка, напильники, ..., дощечки; бери и делай самокат. По мосткам-дорожкам вдоль Посадки до больницы и назад мчишься наперегонки. Звук – не надо никакой бибикалки. Если передним колесом-подшипником, засмотревшись, наткнёшься на торец расшатавшейся доски, то хорошо, если летишь в песок, а если на доски, да ещё и самокат добавит, то, конечно, больно. К слову, мы ходили смотреть (и взять домой кусочек-другой гудрона), как делают первую в Выксе асфальтовую пешеходную дорожку по нашей (восточной) стороне Красных Зорь. В чане на полозьях здесь же варили асфальт; на размеченную утрамбованную дорожку (трамбовали «ручными бабами» дяденьки) совковыми лопатами бросали

дымящийся, ароматный асфальт, граблями разравнивали его; и два бородатых копчёных мужика, продвигаясь на коленках с наколенниками из обрезков автомобильных шин, большими деревянными утюгами, обитыми снизу отполированным железом, разглаживают, приминая, асфальт. «Ребя, принесите водички. Вон бутылки». И мы с Вовкой помчались на колонку, что против 7-й школы (сейчас это примерно южный угол «Лебединки»). «Мы же помогли им делать нам новую гладкую дорожку!» - хвалились мы, шагая домой с гудроном в руке и во рту. «А жвачка-то эта не липкая». (А бывало, что жевали полузастывшую сосновую смолу).

Так вот, про чирика. Кон – квадрат примерно 50х50 см – постоянный, давно начерченный так, чтобы пожарная наклонная лестница на крышу не мешала играть. В любой игре, если она шла во дворе, очерёдность вступления в игру и водящего мы определяли считалочками, а их было много. Особенно много их знала Валя Марковская (по мужу: Пахомова). Пожалуй, самая длинная у нас (у ребят), так эта:

Аты-баты, шли солдаты

Аты-баты, на базар.

Аты-баты, что купили?

Аты-баты, самовар.

Будут пить какаву, чай.

Выходи и отвечай.

Две последние строчки были и другие всякие, например,

Тити-мити, фигли-мигли,
Кушать не хотите ли?

Могли чуть по-другому:
Титили-мититили,
Кушать не хотити-ли

Главное, ведь, чтобы были «ладушки-складуши», а то подразнят, что «неладушки-нескладушки»; «нескладушки-неладушки».

Тары - бары – растабары
На войну идут татары
Из Казани на Рязань.
Беги в лес свой, в березань,
А татары – в тарары.
Уходи за ними ты.

Совсем коротенькая:

Шишел-мышел
Нафиг вышел
(На фиг вышел) – кто как понимал

В один из таких дней мы встали дугой, как большие футболисты на «Металлурге». «Кто будет считать?». Подбежала Наташка, ещё не промокашка: «Я, я буду. Мама меня по книжке научила. Луки вот так, - показала руку-шлагбаум,- делжите, делжите». Она ещё не выговаривала «р». Начала справа, ударяя ладошкой по выставленной руке, как сейчас хоккеист,

забивший шайбу, едет к своей скамейке, и вскользь ударяет по рукам-шлагбаумом своих товарищей.

Наша Таня гломко плачик

Улонила в лечку мячик

Тише Таничка не плачик

Не утонет в лечке мячик. Вот.

На одном дыхании выдала, без запиночки, бегая мимо нас. Мы от её «лечки плачик» рассмеялись, и она засмеялась, хлопая в ладошки, прыгая на одной ножке. С этой считалочки (потом я узнал, что это А. Барто) она стала наша. Долго вспоминали «плачик» при случае. Родилась она в 1941 году, уже шла война. Стала с нами водиться. В очередной раз пошли в Посадку играть в футбол. Юрка попросил, как всегда, сильно зажать ему уши. Поддуть надо много раз зашитый им дермантиновый мяч. Зашнуровал. Разделились. (Две пары давно без жребия в разных командах: Юрец и Сергей Надеждин; Пепка и КаЮра). Я с Карзо – вратари; повезёт, кому Карзо достанется. Он смелый, прыгучий, реактивный. Юрец бьёт часто по воротам, Пепка бьёт реже, но удары хлеще и неожиданнее. На сей раз Иринка (младшая сестрёнка Карзо) прибежала: «Юра, папа зовёт». Сразу нечёт в командах, да, главное, - вратаря. Стоять в воротах у нас было принудиловкой; вся радость – гонять мяч. Наташка и выручила. Я думаю, что она в Выксе была единственной девчонкой, которая играла с ребятами в футбол. К слову, после школы окончила институт (факультет физвоспитания), была вратарём институтской команды и сборной по гандболу, г.

Горький (мяч гандбольный: вес 350-375 г; скорость полёта средняя 100 км/час; кинетическая энергия летящего тела: масса, умноженная на скорость в квадрате, делённая пополам). После института работала более 40 лет в Горьковской школе олимпийского резерва. Сейчас проводятся турниры памяти Наталии Михайловны Вайнтруб в Нижнем Новгороде. Наш Карзо (Георгий Павлович Карзов) будучи студентом Ленинградского института, увлёкся парусным спортом; стал мастером спорта, яхтсмен; академик, лауреат Государственных премий – дважды...

В нашей двухкомнатной квартире, когда школу №8 перевели под госпиталь, поселились две медсестры. Мы, шесть человек, стали жить в одной комнате. Юрка с Пепкой уже учились в школе. Петьку ещё до войны, как дань испанским событиям, во дворе стали звать на испанский лад Пепкой. Имя-прозвище прилепилось так, что он и наш техникум кончил с этим именем, и когда после армии попал в Сумгаит, то старые товарищи по техникуму и там звали его Пепкой. Я дошкольник, Генка ещё в кроватке-качалке (он с 1940 г., 27.10). Керосиновая лампа была в доме обязательно.

Вот, наверное, из-за медичек считалочку: «//Эники-беники //Ели вареники //Эники-беники //Бац //» переделали немного на «Эдики-беники»... и далее. Вариаций этих «Эдиков-беников» было много. Это тоже игра была в рифмы. Про мены была ещё считалочка:

//Эдя-бредя //Съел медведя //А на май //Съел трамвай //... «А чего это трамвай?» «Это вагон без паровоза и без гудка, а людей возит». «И как я его мог съесть?»...

Главное, не выделяйся и не начинай спорить или обижаться, а то и без считалки Бредей будешь всегда. Хорошо, что в команде меня звали Эдо. «Черныш» - нельзя; нас после войны в команде было уже четверо. Младший стал «Генчё», так как в команде уже был мальчишка Генка. С Юрками разобрались так (одно время в доме стало 5-ть Юрок): мой старшой брат и в команде старший, поэтому – Юрка или Юрец; Тарасевич Юрка стал ка-Юра – Каюра. Каким-то ветром занесло нам тарабарский стиль общения: в разговоре каждое слово разбивать на слоги, прицепляя слог к какому-то одному слогу, например, «ка», «ла»; кто-то усложнял, чередуя эти слоги. Со стороны – полная тарабарщина. Вслух можно стовариваться о чём-либо без опаски, что вас поймут. Только говорить надо быстро, тараторить-трындычить. Например, подошли к девчонке не из нашего двора (наши-то хлеще нас тараторили так): «Ка-Галь, ка-мы ка-дёр-канем ка-ко-ка-си-ка-чку? Скажи: «Да». «Да». Мы дёргаем. Она, хныкая, спрашивает: «За что?...», а мы – охломоны, зная, что дёргали не больно, объясняем, что сама разрешила, мы спросили у тебя. «Научите меня». Вот так появился у нас ка-Ю-ка-ра, КаЮра, Каюра.

Третий Юрка (Юра Карзов, наш отличный вратарь во всех играх с другими улицами. И в проектах ещё не было чемпионатов дворовых команд) стал

Карзо. В игре, как в драке, как в бою – чем короче, тем лучше.

Четвёртый Юра появился после 45-го. Он не вписался в нашу братию до больших игр. Пятый Юра появился ещё позже. Его мы приняли, укоротив фамилию. Правда, он совсем не умел играть ни в футбол, ни в волейбол. Года через три уехали они в собственный (построили) дом. Ходили мы к ним и во время стройки и потом. Интересно смотреть: плотник рубанком по торцу дощечки вжик и сделал завитушечку-стружечку; по срубку полазить, потрогать фуганок и узнать, что вот это рубанок, а это фуганок. Значит, маленький – это ру-банок, рубает. А почему не стро-ганок? Дяденька дал и разрешил: «Вон ту дощечку построгай...». «Фу-ганок». Почему? Наверно, чтобы длинно. «Фу, какой большой ганок» не говорить. А ганок потому, что его гоняют по доске. Ура, запомню». А красивые стружки (с разрешения) взял домой: красивые паруса будут для кораблика из сосновой коры. Так вот, этого Юрку мы тоже стали звать по укороченной фамилии.

Родился в нашем доме за год до войны Серёжа, наш сосед, ровесник моего довоенного брата Геннадия (Генчѐ), Дорофеев. Чернышова – старый мартен, Дорофеевы – новый мартен. Кто из них, Гена или Серёжа, не могли выговорить имя правильно, уж забылось, но появился Сусоля. Язычок ребёнка часто сам придумывает звуки. В нашей ораве был уже Сергей Надеждин (ленинградский блокадник, которого усыновили Курбатовы, он с 1931-1932 года). Чтобы в

разговорах в команде не уточнять Сергея, Дорофеев шёл под новым именем. Ни один учёный-лингвист, сломав мозги, не сможет правильно найти происхождение «Сусоли». Что за народ? В школе он был своим Серёгой, Сергеем.

Ёлки, мыло и мочало – начинай-ка ты сначала. Это я к тому, что про чижик пора закончить. Про каждую народную игру можно сказать, что на каждой улице-ли, во дворе-ли она чем-то отличается, как в каждом монастыре свой устав. А мы даже в чижик играли чуть по-разному: нас трое, значит, один в поле, двое на кону (в доме); четверо, шестеро, значит, пополам, и вдвоём – пополам.

Кладёшь чижик в доме концом в поле. Ударяешь битой по концу; чижик подпрыгивает, теперь поддай ему битой, пока он не плюхнулся на землю, пусть летит подальше от дома. Умеешь, рискуешь – чекань (подбивай не высоко и не далеко; игра идёт на уговорённый счёт ударов). Если полевой игрок поймал чижа, то вы меняетесь местами; потому, когда ты чеканишь, то безболезненно легко поймать, смахнуть его фуражкой, как майского жука (а в этом-то мы были все мастаками). Чеканить чижик? Эт тебе не мячик. С того места, где чижик ковырнул землю, с этого места полевой старается забросить его в дом. Чижик считается в дому, если он даже чуть-чуть касается черты. В этом случае также полевой и домовый меняются местами. Если чижик не попал в дом, то смотрят надписи на гранях: «Х» - домовый его не трогает; I, II, III – столько раз домовый может играть

чижом. (Да, если Х, то с этого места полевой опять старается забросить чиж в дом). Иногда мы договаривались, что цифры II и III не считаются, всё одно бить можно только один раз. И ещё: в сторону огородов бить чижа тихонько, чтобы он не улетел туда; поправлять, трогать лежащего чижа нельзя. Если домовые набрали оговорённое число очков, то проигравшие выполняют три задания: первое – это бегом сбегать до выбитого чижика (и подбирать на бегу) и принести его в дом; подумаешь, задание; второе – за выбитым чижиком скакать на одной ножке без остановки; тоже мне задание, да мы в перегонки нередко делали запрыгалки от дома до сарая и назад; третье: кулики. Это надо сбегать и принести чижик, выпевая без перерыва (!) одно это словечко «кулики-и-и-и-и». Запнулся? Чижик положи (брось) на землю и с этого места опять «чижика в полёт». Любого можно загонять до «немогу». Но было неписанное правило: дальше сараев чижа не забивать, во-первых, а, во-вторых, от сараев пулять чижа только в сторону дома. Это можно было делать и раньше, а, глядя на отваживающего, младше тебя товарища, и с первого удара-то не далеко забивали чижика. А вот и «поплавки» на пруду: кто дольше... там уж, ну никак не обманешь, что я, мол, пел «кулики», это вы не слышали.

Лето 2019 г.

**В библиотеке «Отчий край»
на тему «Игры» есть книги:**

- 1. Беннетт Стив.** 365 игр для детей и взрослых: пер. с англ. / Стив Беннетт, Рут Литтерль Беннетт. – Москва : Мир книги, 2006. – 425 с.: ил.
- 2. Детские подвижные игры народов СССР :** пособие для воспитателя детского сада / сост. А. В. Кенеман; под ред. Т. И. Осокиной. – Москва : Просвещение, 1988. – 240 с.: ил.
- 3. Литвинова М. Ф.** Русские народные подвижные игры / под ред. Л. В. Руссковой. – Москва : Просвещение, 1986. – 80 с.: ил.
- 4. Тимофеева Е. А.** Подвижные игры с детьми... – Издание 2-е, испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1986. – 80 с.: ил.

Список аббревиатур

ВМЗ – Выксунский металлургический завод

ДК – дворец культуры

ДРО – завод дробильно-размольного
оборудования

ЛТУ – лесотехническое управление

ЛЭП – линии электропередач

**Чернышов Э.П.
Мы играем во дворе...**

Составитель,
компьютерный набор и вёрстка
Л. Д. Щенникова

Отв. за выпуск О.Н. Громова

МБУК «ЦБС городского округа город Выкса»
Городская библиотека «Отчий край»
607065, Нижегородская обл.,
г. Выкса, м-он Гоголя, д.50,
тел.: 8(83177) 3-50-69, 3-26-25
e-mail: otchykray@mail.ru
сайт библиотеки: bibliokray.ru

